

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ

КОНЕЦ XIX в.

Александр Николаевич ПИЛИПЕНКО,
старший преподаватель кафедры исто-
рии Санкт-Петербургского государствен-
ного политехнического университета

24 июля 1888 г. еженедельная «морская и общественно-литературная» газета «Владивосток» поместила следующее сообщение: «19 июля на пароходе «Такачихо-Мару» прибыл в Владивосток начальник южно-уссурийской горной экспедиции г-н Иванов, о котором мы сообщали в № 24. Как нам передавали, г-н Иванов в предстоящую осень займется обследованием местностей, лежащих от р. Тюмень-Ула по направлениям к верховьям Амурского залива, и таким образом подготовит первый район для работ разведочной партии, имеющей прибыть в Владивосток будущей весной»¹. Этому довольно скромному событию предшествовала серьезная бюрократическая работа, в которой участвовали российские министры и сам император.

Решение отправить в Южно-Уссурйский край геологическую экспедицию было принято после того, как из поездки по русским дальневосточным владениям вернулся управляющий Морским министерством генерал-адъютант Иван Александрович Шестаков. 12 ноября 1886 г. он представил Александру III записку «О наших побережьях в Тихом океане»². В ней он не стал ограничиваться рассмотрением только тех вопросов, которые находились в ведении его министерства. Наоборот, представил императору документ, в котором высказывал свое мнение относительно общего направления российской политики на Дальнем Востоке как внешней, так и внутренней. Судя по всему, именно этого от него и ожидали. По крайней мере, когда в феврале 1886 г. Александр III давал согласие на его поездку во Владивосток, он сказал Ивану Александровичу, что это будет полезно, так как «там еще ни один министр не был и, вероятно, не будет»³.

Особенно много внимания в своей записке И. А. Шестаков уделил колонизации края. В частности, предлагал превратить побережье Японского моря и Татарского пролива, отделенное от остального Уссурйского края хребтом Сихотэ-Алиня, в горнопромышленный район. По его сведениям, здесь уже были найдены месторождения различных полезных ископаемых, в том числе медная руда в Императорской гавани и сереб-

ро-свинцовая в заливе св. Ольги. Но так как этот район непригоден для развития хлебопашества, русское население здесь практически отсутствовало, а значит, не было возможности нанять рабочих на рудники. Поэтому управляющий Морским министерством предлагал «приложить часть тюремного усердия к... берегу Татарского пролива».

До этого единственным крупным горным предприятием на русском Дальнем Востоке были Дуйские каменноугольные копи на Сахалине, принадлежавшие тюремному ведомству. С 1876 г. их арендовало общество «Сахалин», которое давно уже находилось в неоплатном долгу перед казной и в любой момент могло быть закрыто. Но так как, с одной стороны, тюремное ведомство обеспечивало его ссыльно-каторжными, которые трудились фактически бесплатно, а с другой — морское ведомство покупало дуйский уголь по ценам, которые значительно превосходили цены на аналогичный японский уголь, то это предприятие продолжало существовать.

В своей записке И.А. Шестаков категорически заявлял, что в будущем «Морское министерство не может покровительствовать Сахалинской компании в ущерб прочим своим надобностям, и все жалобы на предпочтение японского угля найдут простое и ясное опровержение в различных статьях морской сметы». Кроме того, доставка угля из Дуэ во Владивосток была возможна только морским путем. Следовательно, в случае войны с Англией, столкновение с которой тогда казалось почти неизбежным, воспользоваться дуйским углем русский флот не смог бы. Поэтому управляющий Морским министерством считал, что надо, наконец, отыскать подходящее месторождение каменного угля на материке, «на что правительство должно потратить средства, ибо обеспечение топливом Владивостока составляет одну из основ нашего утверждения на Тихом океане». А поскольку рабочих в крае нанять было невозможно, то для его разработки следовало перевести ссыльно-каторжных из Дуэ⁴. В конце своей записки он попытался несколько «точнее и определеннее выставить» предлагавшиеся меры. Посвященный развитию угледобывающей промышленности раздел был резюмирован им следующим образом. «Уголь находят во всем крае. Средствами правительства произвести учебные разведки, не трата ничего на безнадежные сахалинские копи, в военное время бесполезные, а в мирное невыгодные даже при даровом труде ссыльных»⁵.

14 ноября Александр III вернул И.А. Шестакову его записку со своими пометками и повелел разослать ее еще четырем министрам: военному — генерал-адъютанту П.С. Ванновскому, внутренних дел — графу Д.А. Толстому, государственных имуществ — статс-секретарю М.Н. Островскому и иностранных дел — действительному тайному советнику Н.К. Гирсу⁶. 30 ноября 1886 г. по «высочайшему повелению» состоялось особое совещание для обсуждения поданной управляющим Морским министерством записки. В нем кроме самого И.А. Шестакова и четырех упомянутых

министров, участвовали председатель Департамента государственной экономики Государственного совета действительный тайный советник А.А. Абаза и приамурский генерал-губернатор, генерал-адъютант барон А.Н. Корф. Председательствовал на совещании генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович.

Предложение отправить в Уссурийский край геологическую экспедицию и затем начать там добычу угля, судя по всему, особых разногласий не вызвало. Министр государственных имуществ «...изъявил полную готовность снарядить в этот край экспедицию из опытных горных инженеров, которые в течение двух лет в состоянии будут произвести все-сторонние исследования минеральных богатств края... после того можно уже будет начать работы сперва средствами казны, а потом и частных лиц с приурочением в обоих случаях труда ссыльно-каторжных». Судя по журналу совещания, это заявление никакой дискуссии не вызвало. Только А.А. Абаза заметил, что «все усилия должны быть направлены к отысканию месторождений минерального топлива внутри страны», так как если копи будут находиться на побережье, то в случае войны доставка угля во Владивосток окажется невозможной. И.А. Шестаков полностью согласился с ним, заявив, что «необходимо отыскать залежи минерального топлива в таких пунктах, откуда легко было бы его доставлять во Владивосток и чем ближе будет найден уголь к этому порту, тем лучше».

Значительно активнее участники совещания обсуждали привлечение к добыче угля ссыльно-каторжных. Предложение И.А. Шестакова о переводе на материк каторжных с копей в Дуэ было решительно отвергнуто министром внутренних дел. Он заявил, что приговоренными к каторжным работам его ведомство располагает в избытке, а вот предприятий, которые согласны использовать их труд в Сибири, практически нет. Поэтому «...нет никаких препятствий направить их почти в каком угодно числе в те прибрежные местности Приморской области, в которых может для них найтись труд».

Единственным участником совещания, который полагал, что «употребление каторжного труда может в некоторых случаях достигать хороших результатов», оказался И.А. Шестаков. Он даже рассказал собравшимся об общине траппистов, которая после изгнания из Франции всех духовных конгрегаций переселилась в Италию. Правительство разрешило им поселиться в местности, где, по преданию, был казнен апостол Павел, но с условием, что каждый год они будут высаживать на 20 акрах *esalvatus*'ы, пользуясь трудом каторжных. При этом управляющий Морским министерством заверил присутствующих, что «общество это и до настоящего времени ведет свое дело с замечательным успехом». Прочие участники совещания его оптимизма не разделили. Великий князь Алексей Александрович заметил, что 10 лет назад в Сибири он лично убедился, «до какой степени труд ссыльно-каторжных непроизводителен по сравнению с трудом вольнонаемного рабочего», а барон А.Н. Корф напомнил,

что нужно учитывать также и расходы на конвой. С этим в принципе согласился и А.А. Абаза, добавив, что, поскольку уже «решено не допускать в прибрежную полосу Приморской области китайцев, корейцев и других иностранцев», для «разработки минеральных богатств» все-таки придется воспользоваться трудом ссыльно-каторжных⁷.

Заключение, к которому в итоге пришло совещание, было сформулировано в его журнале следующим образом: «3. Просить министра государственных имуществ о командировании экспедиции для производства геологических исследований в прибрежной полосе Японского моря и Татарского пролива к востоку от хребта Сихотэ-Алинь. По окончании таких исследований разработку в этой местности руд и вообще минеральных залежей производить средствами казны с приурочением труда ссыльно-каторжных, а впоследствии разрешить заниматься горными работами и частным лицам, но с обязательством эксплуатации труда ссыльно-каторжных»⁸. 14 декабря 1886 г. в Гатчине Александр III наложил на журнал совещания резолюцию «исполнить».

Но на этом процесс принятия решения не закончился. Совершенно очевидно, что И.А. Шестаков заинтересовался геологическим изучением побережья Татарского пролива и эффективным использованием труда каторжных лишь постольку, поскольку в результате морское ведомство могло получить каменный уголь, который доставлялся бы во Владивосток по суше и стоил дешевле сахалинского. Однако в процессе обсуждения это обстоятельство было им, по возможности, замаскировано, что объяснялось в первую очередь финансовыми соображениями. Дело в том, что высочайшим повелением 29 апреля 1885 г. был установлен «нормальный» размер сметы Морского министерства на 1886—1895 гг. — 40 млн. руб. в год. В 1885 г. смету расходов министерства ограничили 36 млн. руб., что было весьма существенным пожертвованием в пользу морского ведомства. Кроме того, в течение всего этого десятилетия оно имело право направлять все суммы, которые ему удалось бы сэкономить, на кораблестроение, тогда как по действующему законодательству деньги должны были возвращаться в государственное казначейство. Но в то же время в течение этих десяти лет морское ведомство обязалось не требовать увеличения своего бюджета⁹. Поэтому, стремясь увеличить расходы на кораблестроение и плавание судов флота, И.А. Шестаков взялся за сокращение прочих расходов своего министерства. В значительной степени именно этим объяснялась его поездка на Дальний Восток в 1886 г.

Для увеличения русской эскадры в Тихом океане до 12 боевых судов под командой вице-адмирала и одного дополнительного рейса парохода Добровольного флота из Одессы во Владивосток, по расчетам управляющего Морским министерством, требовалось «по большей мере» 600 тыс. руб., и он собирался найти их за счет сокращения некоторых расходов главным образом на содержание военно-морской администрации на Дальнем Востоке. В первую очередь управляющий Морским

министерством надеялся передать в гражданское ведомство управление Владивостокским военным губернаторством, которое в 1880 г. выделилось из Приморской области. Военным губернатором являлся Главный командир портов Восточного океана, а все расходы по «гражданскому управлению» Владивостока проходили по смете Морского министерства. Кроме того, Шестаков намеревался ограничить местное «адмиралтейство» «размерами, нужными для исправлений Тихоокеанской эскадры», а в составе Сибирской флотилии оставить лишь портовые суда, две шхуны «для лоцмейстерских надобностей», разоруженные старые канонерские лодки и миноноски¹⁰.

Естественно, при таком подходе к экономии ведомственных средств И.А. Шестаков попытался организовать обсуждение так, чтобы не возникло серьезных оснований отнести расходы по снаряжению геологической экспедиции и последующей организации каменноугольных копей на счет Морского министерства. В записке все было представлено преимущественно с точки зрения колонизации Приамурского края, а программа совещания и вовсе сформулирована как «вопрос о переводе каторжных в прибрежную часть Приморской области». В заключении же, отданном на «высочайшее благоусмотрение», о каменном угле не упоминалось вовсе. Таким образом, от министра государственных имуществ теперь требовалось определить, что именно в первую очередь должно исполнить его ведомство — найти для моряков уголь и организовать его добычу в окрестностях Владивостока или же создать условия для горно-промышленной колонизации малообжитых районов Уссурийского края и трудоустройства каторжан.

На первый взгляд, министр государственных имуществ должен был руководствоваться именно высочайше утвержденным заключением совещания. Но дело в том, что император утверждал не только само заключение, но и журнал совещания в целом. Поэтому императорское «исполнить» относилось также и к заявлениям во время совещания отдельных министров, которые не были оспорены или отвергнуты прочими участниками. Следует учесть, что журналы совещаний не являлись стенографическими отчетами, а были лишь изложением мнений их участников. Причем не тех, которые высказывались ими по ходу совещания, а тех, которые сложились у них в итоге обсуждения. Поэтому сначала составлялся проект журнала, в котором участники совещания имели право отредактировать свои мнения, письменно сообщив необходимые, с их точки зрения, исправления, и лишь после этого журнал представлялся на «высочайшее благоусмотрение».

После высочайшего повеления «исполнить» между министрами неминуемо должна была возникнуть более-менее оживленная переписка о том, как именно следует понимать «заключения», принятые на совещании. Тем более, что на нем не был решен самый важный вопрос — о деньгах. В ходе самого совещания А.А. Абаза решительно отверг попытку Мор-

ского министерства получить какие-либо средства сверх положенных ему 40 млн. руб., а вопрос о том, как именно будет финансироваться геологическая экспедиция, судя по всему, даже не обсуждался. Впрочем, для самого И.А. Шестакова на этом совещании важнее всего было принципиальное одобрение предложенных им мероприятий. Но, получив его, он намеревался приступить к самому главному — требованию денег. В значительной степени именно по этой причине он просил Александра III назначить в совещание председателя Департамента государственной экономики, надеясь, что «Абаза как государственный человек решит, важен ли вопрос, и, решивши это, уже труднее ему будет стоять за экономическую сторону»¹¹.

Однако к середине декабря работа над составлением государственной росписи доходов и расходов на 1887 г. уже закончилась. Оставались лишь две формальности — обсуждение ее общим собранием Государственного совета и «высочайшее утверждение». О включении в нее кредита на снаряжение геологической экспедиции в Уссурийский край не могло быть и речи. Можно было надеяться на открытие в 1887 г. экстраординарного кредита, но в конце декабря 1886 г. Министерство финансов возглавил И.А. Вышнеградский. Новый глава финансового ведомства всерьез намеревался ликвидировать бюджетный дефицит, который в росписи 1887 г. составлял около 100 млн. руб. Кроме того, от своего предшественника Н.Х. Бунге он отличался еще и твердым характером. Поэтому с его приходом получение дополнительных сверхсметных кредитов для всех министров стало чрезвычайно сложной задачей. Но, так как, с точки зрения руководителей морского ведомства, у них имелись более важные потребности, чем отправка в Уссурийский край геологической экспедиции, то вопрос этот отодвинулся на 1888 год.

По действовавшему в это время в Российской империи законодательству все ведомства должны были представлять проекты своих смет к 1 сентября. Кредит «на командирование горной партии в Южно-Уссурийский край для изыскания месторождений каменного угля» был включен в §3 сметы горного департамента — расходы на «издание сочинений, по ученым исследованиям и опытам». На 1888 г. для этого особой статьей (§3, ст. 5) испрашивалось 16 519 р. в счет 80 000 р., якобы «исчисленных на этот предмет». В качестве основания к назначению такой суммы указывался высочайше утвержденный 14 декабря 1886 г. журнал особого совещания¹². Впрочем, в самом журнале совещания подобной цифры не было — министр государственных имуществ заявил, что командирование экспедиции сроком на два года будет стоить от 50 000 до 60 000 р.¹³ Поэтому правомерность назначения этой суммы еще требовалось доказать.

Все представляемые сметы должны были проверяться в Министерстве финансов и Государственном контроле. Первое ведомство проверяло сметные назначения на соответствие существующим законоположениям, в первую очередь штатам, а второе проверяло их «против действительного

исполнения предыдущих лет», главным образом путем сравнения испрашиваемой на ту или иную потребность суммы со средним арифметическим фактических расходов за последние пять лет. Проверка производилась самым тщательным образом — проверялось каждое назначение по каждой штатной единице, а расходы прежних лет высчитывались с точностью до четверти копейки. К данному случаю, однако, оба эти метода были неприменимы — штата экспедиции еще не было и расходов за прошлые годы по данной статье также. Зато ведомства усомнились в правильности выделения такого расхода отдельно. Дело в том, что в смете горного департамента уже имелась статья «на разведки и ученые исследования» (§ 3, ст. 4), по которой испрашивалось 85 807 р., в том числе 58 407 р. без «определенного назначения». Поэтому, «принимая во внимание крайне затруднительное положение государственного казначейства», Министерство финансов и Государственный контроль предложили министру государственных имуществ отнести расходы по Южно-Уссурийской экспедиции на счет этих средств¹⁴.

Следующим, рассматривавшим сметы, был Департамент государственной экономии Государственного совета. По закону его члены должны были делать это «в общих видах государственного хозяйства, обсуждая степень пользы и своевременности предполагаемых расходов». Фактически же происходило согласование требований Министерства финансов и Государственного контроля по сокращению расходов с требованиями прочих министров о выделении им всех кредитов, которые они испрашивали. В данном случае Департамент государственной экономии принял вполне компромиссное решение. Журналом от 3 декабря 1887 г. он постановил ст. 5 из § 3 сметы горного департамента исключить, а кредит по ст. 4 того же параграфа увеличить на 7 963 р., округлив его до 90 000 р., при условии, что расходы по отправке геологической экспедиции в Южно-Уссурийский край будут отнесены к этой статье¹⁵. Таким образом, средства на «изыскание месторождений каменного угля» для Тихоокеанского флота были выделены. Теперь оставалось лишь организовать саму экспедицию и отправить ее на Дальний Восток.

15 февраля 1888 г. статс-секретарь М. Н. Островский получил «высочайшее соизволение» на снаряжение горной экспедиции в Южно-Уссурийский край «...для изыскания пригодных к разработке каменно-угольных месторождений вблизи Владивостока и равно залежей других полезных ископаемых». Экспедиция предполагалась из двух партий — геологической и разведочной. Первая была из двух горных инженеров и геолога (он же начальник экспедиции) и его помощника, вторая — из одного горного инженера (производителя работ) и двух штейгеров. Геологическая партия должна была «определить распределение и способ залегания полезных ископаемых». В задачу разведочной партии входила «подробная разведка намеченных геологическими разведками месторождений». Продолжительность работ каждой партии первоначально опре-

делялась «до 2-х лет». При этом геологическая партия должна была отправиться из Европейской России весной 1888 г., а разведочная — в начале 1889 г. Начальником экспедиции был назначен «состоящий по главному горному управлению, с прикомандированием к Геологическому комитету» горный инженер, надворный советник Иванов¹⁶.

Впрочем, в прибывшей летом 1888 г. во Владивосток геологической партии южно-уссурийской горно-геологической экспедиции был только один человек — горный инженер Дмитрий Львович Иванов. Его помощник по семейным обстоятельствам задерживался и присоединился к своему начальнику только в ноябре. Но, не дожидаясь его прибытия, Д.Л. Иванов приступил к исследованиям, которые он намеревался вести «по программе систематического изучения края в геологическом отношении»¹⁷. При этом начал их не с безлюдных местностей, лежавших к востоку от Сихотэ-Алиня, а с залива Посыет — одного из наиболее обжитых районов Южно-Уссурийского края.

¹ Владивосток. 1888. № 30. С. 4.

² РГА ВМФ. Ф. 26, оп. 1, д. 14, л. 200.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 395, 396 об.

⁵ Там же. Л. 406.

⁶ Там же. Ф. 26, оп. 1, д. 14, л. 200.

⁷ Там же. Ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 433—438.

⁸ Там же. Л. 448.

⁹ Обзор бюджетного законодательства России за 1862—1890 гг.: Изд. Гос. канцелярии. СПб., 1891. С. 684.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 401—404.

¹¹ Там же. Ф. 26, оп. 1, д. 14, л. 208.

¹² Сметы доходов и расходов горного департамента на 1888 год. СПб., 1887. С. 74—75.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 435.

¹⁴ Соображения Министерства финансов и Государственного контроля по смете горного департамента на 1888 г. // Сметы доходов и расходов горного департамента на 1888 год. СПб., 1887. С. 5.

¹⁵ Соображения Министерства финансов и Государственного контроля по смете горного департамента на 1889 г. // Сметы доходов и расходов горного департамента на 1889 год. СПб., 1888. С. 7.

¹⁶ РГИА. Ф. 40, оп. 2, д. 104, л. 19.

¹⁷ Журнал присутствия Геологического комитета. Заседание 14-го марта 1888 г. // Известия Геологического комитета. 1888. № 3. С. 33.

SUMMARY: To exemplify a decision dating years 1886—1887 that of sending off a geological expedition to South-Ussurisky Territory typical discussion line methods of Russian bureaucracy are considered concerning the interests of different Ministries. The budgetary politics and departmental separatism served their purposes in accomplishing the tasks of national interest.